

ДИАЛОГ

ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР

Микеланджело АНТОНИОНИ

Александр КАРАГАНОВ

Новый фильм известного итальянского кинорежиссера Микеланджело Антониони «Профессия: репортер» [советские зрители имели возможность познакомиться с ним в дни IX Московского кинофестиваля] привлек широкое внимание. По просьбе редакции критик Александр Караганов беседовал с режиссером о новых тенденциях в его творчестве.

А. КАРАГАНОВ. В течение многих лет мы знаем Антониони как художника вполне определенной темы и стиля, создавшего целое направление в мировом киноискусстве. Но вот мы посмотрели на Восьмом Московском фестивале фильм «Забриски Пойнт», а на Девятом — «Профессия: репортер»... Конечно же, и в них Антониони остается Антониони. Однако появилось много нового, непохожего на прежнее. Помоему, «Забриски Пойнт» и «Профессия: репортер» можно было бы назвать «фильмами перехода». Мне хочется спросить вас, как вы сами расцениваете этот переход: от темы и стиля «Приключения», «Ночи», «Затмения», «Красной пустыни» к темам и стилю двух последних работ.

М. АНТОНИОНИ. Обычно я не размышляю ни над тем, что я сделал, ни над своей эволюцией — человека и режиссера.

А. КАРАГАНОВ. Но все же: что вы думаете о месте этих фильмов в вашем творчестве?

М. АНТОНИОНИ. Наверное, вы правы в своем определении: в последних фильмах, вами названных, есть определенная политическая нагрузка, которая, возможно, в предыдущих фильмах была скрыта, не выходила на поверхность. Но для меня самого эта перемена — процесс инстинктивный. Возможно, события, которые происходят сейчас в мире, и особенно в моей стране — в Италии, натолкнули меня на какие-то изменения в творчестве, спровоцировали их.

А. КАРАГАНОВ. Я имею в виду не только из-

менения темы, связанные с событиями в мире. Прежние свои фильмы вы посвящали анатомии одиночества, психологии отчужденности, изображая взаимонепонимание между людьми, драмы, вызванные этим взаимонепониманием, увяданием, а то и полной атрофией социально активных чувств и просто чувств. Социальная мысль в этих фильмах обычно была глубоко скрыта в сложных подтекстах. В последних же работах вы используете более открытый, прямой язык. Вы с большей определенностью говорите о бунте молодежи, о «потребительском обществе»... И о человеке, которому донельзя надоело его прежнее существование пассивного наблюдателя, который сам надел себе — со всеми своими невзгодами и комплексами. Герой фильма Дэвид Лонк воспользовался случаем, чтобы «сменить шкуру», попробовав что-то другое. Попытка не удалась, он погиб, так и не успев стать другим, но попытка была!

М. АНТОНИОНИ. Несомненно, была. У героя моего фильма до этого было много жизненных невзгод. Во-первых, неудача в семейной жизни, несложившиеся отношения с приемным сыном, с женой. Во-вторых, провал, крах, неудовлетворенность своим делом, своей профессией. Ему не удавалось сказать простым, человечески ясным языком такие вещи, которые позволили бы ему отказаться от позиции стороннего наблюдателя. Он отправился на съемки телевизионного репортажа в Африку — это была для него еще одна попытка превратиться в участника событий, показать действительность с субъективной точки зрения.

То, что я сосредоточился именно на этих чертах характера героя, связано еще и с тем, что в фильме «Профессия: репортер» по сравнению с предыдущими изменен язык всего повествования. Впервые за все время, что я снимаю фильмы, я хотел использовать кинокамеру как можно более объективно. Очень часто она оставляет персонажей за кадром, покидает их, чтобы показать то место, откуда они ушли, либо то, где они должны вот-вот появиться. Снять пейзаж, среду, окружающую героев, очень важно. Подчас это важнее для фильма, чем показ самого героя. Поэтому иногда я позволяю себе «забыть» о людях и таким образом пытаюсь непосредственно зафиксировать действительность такой, какой она предстает перед моим героем.

А. КАРАГАНОВ. Среди моих итальянских коллег, в том числе и ваших поклонников, я часто слышал такие слова: «Антониони — художник трагической темы, художник безверия». Я бы хотел спросить, во что верит Микеланджело Антониони?

М. АНТОНИОНИ. Прежде всего хочу уточнить: необходимо четко разграничить жизненный опыт человека и его интеллектуальный опыт. Иногда они существуют как несовпадающие, даже полярно противоположные величины. В некоторых своих фильмах я, быть может, пессимист. Но как человек, я был и остаюсь оптимистом. Доказать это я могу только тем, что, несмотря на бесчисленные трудности, которые я встречал на своем пути, в своей карьере, я продолжаю снимать фильмы. И вот пришел с последним сюда, в Москву.

А. КАРАГАНОВ. Те фильмы, которые я называл «фильмами перехода», появились параллельно «политическому кинематографу»

западных стран. Как вы рассматриваете свои работы в соотношении с фильмами этого направления и, в частности, с итальянским политическим кино?

М. АНТОНИОНИ. Как мне кажется, они никак не соотносятся. Мои новые фильмы — выражение определенной эволюции. Есть в них элементы, которые можно было бы отнести к кинематографу, рассказывающему, повествовательному, построенному на какой-то истории, — они перемешаются с элементами, относящимися к области кинематографической экспрессии. Такое переплетение и образует поэтический мир фильма. Мне трудно сказать, как дальше будет проходить процесс творчества, в какую сторону свернет, — этого я не знаю.

А. КАРАГАНОВ. Как-то вы говорили, что ваши творческие планы подсказываются жизнью: жизнь изменяется, вы ее наблюдаете, и соответственно меняются планы и намерения. Но та же самая жизнь, вернее — сходный жизненный опыт, рождает разные направления художнической мысли: Феллини, Антониони, Пазолини... У каждого есть свой философский, нравственный и эстетический «ракурс», свой подход к жизни, своя «внутренняя тема». Какова внутренняя тема сегодняшнего Антониони?

М. АНТОНИОНИ. Меня привлекает все. Я не могу с некоей высоты или временной дистанции взглянуть на самого себя. Дело критика — исследовать, что является моей сегодняшней темой, а что было вчерашней.

А. КАРАГАНОВ. Во время нашей первой беседы в Риме, где с нами был М. К. Калатозов, вы, определяя свою внутреннюю тему, сказали такую фразу: «Люди в технике ушли далеко, до Луны добрались».

М. АНТОНИОНИ. ...А мораль осталась такой же, какой была при Гомере.

А. КАРАГАНОВ. Остается ли вы и сейчас на такой позиции или появилось что-то новое в вашем восприятии мира?

М. АНТОНИОНИ. Да, моя позиция изменилась. Ведь и мораль изменилась, и, к сожалению, в худшую сторону. Естественно, я говорю только о западном обществе. Это моя «зона». Восток я еще плохо знаю. На Западе же происходит загрязнение человеческого духа вместе с загрязнением окружающей среды.

А. КАРАГАНОВ. Наверное, нелегко жить в искусстве с таким ощущением мира, не включающим в себя поиски альтернатив?

М. АНТОНИОНИ. Да, но мы знаем, с чем должны бороться, кто враг. Если не знать его, то можно оказаться в состоянии полной беспомощности. Жизнь все время расставляет перед нами ловушки. Зная врага, легче их избежать. Я не противник прогресса. Я знаю, что люди верят в машины, в технический прогресс. Человечество не может остановиться в своем развитии — это наша судьба во Вселенной. Человечество будет развиваться постоянно и, несмотря на трудности, никогда не умрет.

А. КАРАГАНОВ. Вы — один из самых беспощадных художников в изображении драматизма человеческого существования в нашем обществе. В чем-то ваша работа похожа на работу хирурга, делающего операцию. Занимаясь исследованием больного духа, деформированной нравственности, верите ли вы в силу кинематографа, в его способность что-то изменить в жизни, чему-то помочь, чему-то помешать?

М. АНТОНИОНИ. Кинематограф — лишь зеркало

действительности. Режиссеры не могут изменить реальность, которую они либо интуитивно чувствуют, либо просто отражают в своих картинах. Действительность ведь всегда предшествует фильму. И, несмотря на то, что кино — искусство, непосредственно отражающее реальность, и, пожалуй, одно из самых эффективных средств массовых коммуникаций, оно слишком медлительно в своем влиянии.

А. КАРАГАНОВ. И все же, что вы думаете о воздействующей силе кинематографа?

М. АНТОНИОНИ. Я не придаю кинематографу столь важного значения, которое отводите ему вы. Большинство у нас он воспринимается как средство развлечения — даже в тех случаях, когда фильм не является таковым. Кинематограф не может сделать революцию. — ее делают люди и идеи.

А. КАРАГАНОВ. Действительно, мы придаем кинематографу большое значение, основываясь на реальных фактах его силы и влияния. Кстати, мне кажется, что и искусство Антониони мы воспринимаем более серьезно, чем сам Антониони.

М. АНТОНИОНИ. Я тоже воспринимаю свое искусство очень серьезно и считаю, что кинематографические образы могут пробудить в душе людей какие-то чувства. Но они не способны вызвать ту страсть и силу, которая нужна, чтобы пробудить мир.

А. КАРАГАНОВ. Может быть, ваша более чем скромная оценка силы кинематографа связана с тем, что ее, эту силу, подрывает «рыночная киношка»? Ведь большое количество фильмов на Западе постоянно и неизбежно становится частью «массовой культуры», субкультуры.

М. АНТОНИОНИ. Конечно. Впрочем, эту часть кинематографической продукции я не считаю существенным фактором в моральном развитии общества. Я лично против порнографии на экране. Не помню, кто мне сказал — кажется, итальянский писатель Флаэо, — что порнография очень скучна, потому что она окружает сплетнями тайну.

А. КАРАГАНОВ. Очевидно, в разговоре на эту тему нужны аналитические уточнения: порнография, точно так же как форсированное изображение жестокости и насилия, часто возникает на экране как весьма ходовой рыночный товар.

М. АНТОНИОНИ. Здесь, действительно, нет предмета для спора — если говорить о коммерческом использовании порнографии. Но когда мотивы насилия или секса вводятся в фильм на уровне настоящего искусства, почему их нельзя показывать как элемент изображаемой реальности?

А. КАРАГАНОВ. Однако сложность проблемы состоит в том, что часто, слишком часто, они используются спекулятивно, — такова реальность современного западного кинематографа... В заключение я бы хотел задать традиционный вопрос...

М. АНТОНИОНИ. Что я буду делать дальше? Не знаю.

А. КАРАГАНОВ. Ответ нетрадиционный. Ответа вспоминаю ваши последние фильмы — «Забриски Пойнт» и «Профессия: репортер», невольно начинаешь думать о дальнейшем движении вашего искусства в этом направлении.

М. АНТОНИОНИ. Да, у меня есть две идеи. Они движутся пока в разных плоскостях, но, если где-нибудь встретятся, пересекутся, тогда я сниму что-то новое.